

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

21-го Іюля № 21 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФИЦІАЛЬНЫЙ.

Какимъ образомъ Священникъ можетъ всего вѣрнѣе узнать свою паству и пріобрѣсть на нее свое пастырское вліяніе?

(Окончаніе *).

Только что появилась эта корреспонденція, какъ совсѣхъ рѣшительно концовъ Россіи положительно посыпались къ о. Алексѣю письма отъ священниковъ съ просьбами—дать совѣты, какъ устроить и имъ такую же книжную торговлю. „Насколько воодушевлены были эти новые предприниматели безмездной книжной продажи въ своихъ высокихъ и благородныхъ чувствахъ помочь народу въ его духовно-нравственномъ развитіи, пишетъ онъ,—это видно изъ содержанія присланныхъ мнѣ писемъ, изъ которыхъ я приведу здѣсь нѣсколько дословныхъ выдержекъ. Вотъ, напримѣръ, что писалъ мнѣ Рязанской губерніи, села Вышгорода, священникъ Астринъ: „Годъ тому назадъ я поступилъ въ священники и ни на минуту меня не покидала мысль, какъ бы мнѣ заняться книжной продажей въ своемъ селѣ, которое къ тому же и торговое? Наконецъ, изъ „Церковно-общественнаго Вѣстника“ мнѣ удалось узнать о вашей дѣятельности въ этомъ родѣ; это еще болѣе усилило мое желаніе и я рѣшился безпокоить васъ. Я человекъ, какъ видите,

* См. № 20-й 1898 г. наш Вѣд.

еще неопытный, — спросить объ этомъ дѣлѣ некого, почему и не предпринималъ ничего, хотя имѣю полную возможность и желаніе принести пользу людямъ чрезъ распространеніе полезныхъ книгъ. Поучите же меня, ради Бога, какъ приступить къ этому дѣлу. Куда обращаться за разрѣшеніемъ продажи, какъ войти въ общеніе съ отдѣломъ Общества любителей духовнаго просвѣщенія? Мнѣ совѣстно, что я, человѣкъ неизвѣстный вамъ, беспокою своей просьбою, но я льщу себя надеждой, что вы, какъ человѣкъ радѣющій о благѣ народа, не откажете въ помощи своему собрату, который, какъ видите, одушевленъ такимъ же желаніемъ добра бѣдному, беспомощному мужичку и т. д. “.

Въ томъ же родѣ и всѣ прочія письма. Вездѣ высказывается желаніе, часто страстное, дать народу хорошую книгу и вездѣ неумѣніе, незнаніе — какъ приняться за это дѣло. Писемъ стало приходиться наконецъ такъ много, что о. Алексѣй, не имѣя возможности отвѣчать каждому отдѣльно, составилъ одно общее отвѣтное письмо „по адресу тѣхъ, которые желали-бы по его образцу открыть у себя такую же книжную продажу“, и напечаталъ его въ Церковномъ Вѣстникѣ“ (№ 11-й за 1883 г.).

Получать письма приходилось о. Алексѣю не только отъ лицъ, принявшихъ уже священныи санъ, но и — что онъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ — отъ готовящихся къ нему: отъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій. Вотъ что, напримѣръ, писалъ ему одинъ воспитанникъ IV класса семинаріи: „Добрый пастырь о. А., обращаюсь къ вамъ изъ мого далекаго одиночества... Мой идеалъ — добрый пастырь, во всѣхъ проявленіяхъ его... Боже! какъ сладки для меня эти мечты. Тебя же, Господи, молю и обратить ихъ въ дѣйствительность, когда я удостоюсь принять санъ священника... Думаю, можете теперь понять, что происхо-

дило въ моей душѣ, когда я изъ вашей корреспонденціи (Церк.-Общ. Вѣстн.) прочелъ эти золотыя строки: „продажа духовно-нравственныхъ книгъ въ рукахъ священника это—самое могучее средство узнать нашъ простой народъ со всѣмъ міромъ его идей, чувствъ и стремленій“... Эти слова не только врѣзались въ мой умъ, но проникли въ сердце и душу. И вотъ я тутъ же рѣшился писать вамъ. Не считите за трудъ, будьте и для меня совѣтникомъ и руководителемъ.... Горю желаніемъ посвятить всѣ свои силы на благо духовнаго просвѣщенія нашего темнаго народа“.

„Не откажитесь подготовить меня своимъ умудреннымъ опытомъ къ этому великому служенію... Не могу-ли я начать теперь-же дѣлать что-либо полезное для народа—не посоветуете-ли, напр., во время каникулъ вести съ нимъ какія-либо назидательныя чтенія или бесѣды между утренней и обѣдной, хотя-бы въ церковной сторожкѣ. Затѣмъ укажите, что мнѣ всего полезнѣе читать для самообразованія, чтобы быть впоследствии добрымъ пастыремъ, а не наемникомъ“ и т. д.

Отрадно въ высшей степени, скажемъ мы отъ себя, читать такія письма, особенно въ наше время, когда нерѣдкость слышать сужденія, что въ питомцахъ нашихъ духовныхъ семинарій начинается помрачаться сознание высоты пастырскаго служенія, слабѣетъ любовь къ нему, гибнетъ возвышенный идеализмъ и развивается современная погоня за деньгами, за чинами и стремленіе избирать инья, чѣмъ пастырство, поприща для своей дѣятельности. Нѣтъ! Благодареніе Богу не мало еще воспитывается въ нашихъ семинаріяхъ благородныхъ идеалистовъ, съ возвышенной христіански-настроенной душой. Имъ близокъ образъ Великаго Пастыреначальника и Господа Іисуса и они горять

желаніемъ продолжать въ этомъ грѣшномъ мірѣ—мірѣ людской вражды, слезъ и страданій—Его великое дѣло: устройство на землѣ Царствія Божія“....

Въ заключеніе своей статьи авторъ дѣлится съ читателями нѣкоторыми наблюденіями, сдѣланными имъ въ теченіе двадцатилѣтней продажи книгъ. Онъ отмѣчаетъ, во первыхъ, что народъ нашъ жаждетъ прежде всего духовнаго образованія и чтенія. „Глубоко убѣжденный въ той непреложной истинѣ, что *ничего премудрости есть страхъ Божій*, нашъ народъ, говоритъ авторъ, прежде всего заботится освѣтить потемки своей души свѣтомъ божественнаго познанія; въ его глазахъ только тѣ книги имѣютъ значеніе доброй науки, которыя такъ или иначе поучаютъ его въ законѣ Господнемъ; къ этому разряду книгъ и направлена вся его любознательность“. Во вторыхъ, нашъ народъ не любитъ мелкой и дешевой книги. „На предложеніе купить какую-нибудь брошюру, онъ обыкновенно выражается такъ: „много-ли изъ нея займешься? Листокъ—онъ листокъ и есть, и читанья-то въ немъ всего на полчаса. Нѣтъ ужъ коли покупать книгу, такъ чтобы была она настоящая, за ту и денегъ не жаль, а это одна ребячья забава“.

Единственное исключеніе, по словамъ автора, въ данномъ случаѣ составляютъ „Троицкіе листки“, которые всегда покупаются простонародьемъ съ особенной охотой и расходятся всюду въ громадномъ количествѣ. „По общему народному отзыву, говоритъ онъ, это изданіе настолько полно всякаго интереса, что этихъ листочковъ, по бубвальному выраженію народа, „сытъ не начитаешься, что читай—то больше хочется“. Отзывъ, продолжаетъ онъ, вполне заслуженный и справедливый. Безпристрастно говоря, „Троицкіе листки“ едва-ли у насъ не единственное пока народное изданіе въ строгомъ смыслѣ этого слова, и несомнѣнно, что оно нахо-

дится въ рукахъ замѣчательно талантливаго человѣка, который съ одной стороны тонко понимаетъ духъ русскаго народа, съ другой—сердечно, просто и въ то же время строго-учительно умѣетъ говорить съ нимъ, и говорить именно на излюбленныя народныя темы. Говоря о „Троицкихъ листкахъ“, какъ о народномъ изданіи, нельзя не указать здѣсь еще на одну характерную черту ихъ, а именно—на ихъ оригинальныя заголовки, большая часть которыхъ составлена чисто въ народномъ духѣ и напоминаетъ собой разныя народныя присловія, напримѣръ: „Бога не обманешь“; „Безъ труда не спасешься“; „И малые грѣхи—не малость“; „Сдѣлавши добро—не кайся“; „Бѣдностью не оправдаешься предъ Богомъ“; „Съ порочными не дружись“; „Познай себя, познаешь и Бога“; „Доброе дѣло, что доброе съмя“, и т. д. Ясное пониманіе того, чѣмъ должно быть народное изданіе по внутреннему содержанию, не дѣлаетъ талантливому составителю „Троицкихъ листковъ“ никакого затрудненія положить на нихъ особую печать народности въ самомъ оглавленіи ихъ, и тѣмъ внушить особенный интересъ къ этому изданію даже съ этой виѣшней стороны. А какъ много значить для простолюдина заголовокъ книги, это вполне можетъ знать только практикующій продажу книгъ.“

При такомъ взглядѣ на Троицкіе листки, вполне естественно, что о. Алексѣй заботился о возможно большемъ ихъ распространеніи среди народа. И дѣйствительно, въ 20 лѣтъ имъ продано было 30000 листковъ различныхъ наименованій. Считаемо весьма полезнымъ при этомъ упомянуть о томъ способѣ, которымъ о. Алексѣй пользовался для распространенія Троицкихъ листковъ. „Разъ, пишетъ онъ, случайно выслушанный мною рассказъ одного мужичка, какъ у Троицы—Сергія, гдѣ ему привелъ Богъ помолиться, послѣ службы раздавали богомольцамъ листки, и какъ это всѣмъ было

„любо“ (собственное выражение мужика), навелъ меня на мысль испытать этотъ способъ распространенія мелкихъ брошюръ и у себя въ церкви. Я сталъ произносить за литургией, вмѣсто обычной проповѣди, одинъ какой-либо номеръ Троицкихъ листовъ, болѣе или менѣе подходящій къ содержанию читаннаго на литургіи Евангелія и Апостола, предварительно передъ тѣмъ откладывая экземпляровъ по ступѣямъ же самыхъ номеровъ у церковнаго ящика. И что же! Достаточно было по прочтеніи листка съ каеэдръ объявить слушателямъ, что желающіе пріобрѣсти этотъ листокъ могутъ взять его за одну копѣйку у церковнаго старосты, чтобы весь имѣющійся тутъ запасъ былъ разобранъ въ какія-нибудь 3—5 минутъ. Когда народъ привыкъ къ такому способу полученія листовъ у церковнаго ящика, я началъ вносить въ храмъ и другія мелкія брошюры, особенно на большіе праздники. Послѣ службы не мало раскупали и этихъ книжекъ. Убѣдившись на опытѣ, какъ цѣлесообразенъ такой способъ распространенія книгъ, я въ свою очередь порекомендовалъ испытать его и другимъ приходскимъ пастырямъ. Результатъ былъ почти вездѣ одинъ и тотъ-же, особенно охотно разбирались листки и брошюры, по заявленію священниковъ, во время виѣбогослужебныхъ собесѣдованій“.

Всего, въ теченіи дватцати лѣтъ, о. Алексѣемъ было продано разныхъ книгъ и брошюръ около 45000 экз. Изъ нихъ главнѣйшіе слѣдующіе: 2900 экз. евангелій; 2050 агафистовъ; 2030 псалтирей; 1800 мѣсяцеслововъ; 1200 часовниковъ; 1130 молитвенниковъ; 110 экз. разныхъ священныхъ исторій; 180 библій; 300 сборниковъ поученій разныхъ авторовъ; 100 книгъ „Сказанія о земной жизни Божіей“.

Матери“; 120 книгъ Житія святыхъ“ Бахметевой; кромѣ того, творенія Тихона Задонскаго, Иоанна Златоустаго и т. д.

Въ заключеніе скажемъ еще, что въ настоящее время, напримѣръ у насъ въ епархіи, при существованіи Епархіальнаго книжнаго склада въ г. Вяткѣ и его отдѣленій въ уѣздныхъ городахъ, введеніе въ селахъ продажи религіозно-нравственныхъ книгъ для священниковъ значительно упрощается и облегчается.

Н. Гусевъ.

(Изъ Вятск. Еп. Вѣд.).

† Ректоръ Екатеринославской духовной Семинаріи архимандритъ Анастасій (некрологъ).

М. іюня 25 дня въ 2 ч. 30 м. по полудни, на 33-мъ году жизни, скончался отъ туберкулезнаго воспаленія мозга ректоръ духовной Семинаріи архимандритъ Анастасій (Тихоновъ).

Печальная вѣсть объ этомъ быстро распространилась въ городѣ, и въ тотъ же день къ 5 часамъ вечера все почти городское духовенство вмѣстѣ съ кафедральнымъ протоіереемъ о. П. Доброхотовымъ собралось въ ректорскую квартиру, гдѣ у гроба почившаго, въ присутствіи наличной Семинарской корпораціи и Епархіальнаго училищнаго Совѣта, а также представителей отъ мѣстной духовной Консисторіи, мужскаго и женскаго духовныхъ училищъ и многихъ другихъ лицъ, отслужена была, съ участіемъ пѣвчихъ Архіерейскаго хора, первая панихида, по окончаніи которой прибывшей монашествующей братіей Крестоваго монастыря вторично совершенно было моленіе объ упокоеніи души новопреставленнаго.

На другой день, въ 12 часовъ, вновь отслужена была панихида, а въ 5 час. вечера, въ присутствіи большинства

городскаго духовенства и многихъ постороннихъ лицъ, послѣ обычной краткой литіи и провозглашенія „вѣчной памяти“ новопочившему, послѣдовалъ выносъ тѣла усопшаго о. ректора въ Лазаревскую кладбищенскую церковь, что на Севастопольскомъ кладбищѣ. Поддерживаемое священнослужителями тѣло почившаго, предварительно окропленное св. водой, положено было въ гробъ, вынесенный затѣмъ на рукахъ лицами духовнаго сана къ выходу изъ ректорской квартиры, возлѣ которой собрались уже—мѣстный г. полицій-мейстеръ, представители отъ духовно-учебныхъ заведеній и много постороннихъ лицъ. Тотчасъ по выносѣ изъ квартиры, гробъ съ бранными останками, покрытый архимандричьей мантией, поставленъ былъ на носилки, и, по совершении духовенствомъ литіи, при трогательномъ стройномъ пѣніи „Святый Боже...“, въ предшествіи хоругвей и крестовъ, направилось печальное шествіе по Екатерининскому проспекту и соборной площади на Севастопольское кладбище въ Лазаревскую церковь, гдѣ и поставленъ былъ гробъ. Послѣ этого священникомъ о. Ф. Гераскевичемъ отслужено было заупокойное всенощное бдѣніе.

Въ субботу, 27 іюня, происходило отпѣваніе тѣла въ Бозѣ почившаго о. ректора Семинаріи. Божественную заупокойную литургію, которая началась въ 9 часовъ утра, торжественно изволилъ совершать въ Лазаревскомъ кладбищенскомъ храмѣ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Владыка Сумеонъ Епископъ Екатеринославскій и Таганрогскій; сослужащими при этомъ были—каедральный протоіерей о. П. Доброхотовъ, бывшій ключарь собора (а нынѣ настоятель собора г. Таганрога) протоіерей о. М. Знаменскій и священники: о. Андрей Парфеньевъ и о. Ф. Гераскевичъ. Пѣлъ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ и-составленный изъ учителей ц. приходскихъ школъ, прибывшихъ на лѣтніе педаго-

гическіе курсы. Тѣсный кладбищенскій храмъ не вмѣщалъ въ себѣ всѣхъ молящихся, прибывшихъ отдать послѣдній долгъ почившему о. ректору. Изъ родныхъ покойнаго у гроба находились—мать—вдова псаломщика, и старшій братъ—псаломщикъ Воронежской епархіи. За литургіей, послѣ при частнаго стиха, духовникомъ Семинаріи о. А. Пароеньевымъ сказано было назидательное, приличное переживаемому грустному событію слово.

По окончаніи литургіи, Преосвященнѣйшимъ Владыкою совмѣстно съ многочисленнымъ городскимъ духовенствомъ, облаченнымъ въ траурныя священныя одежды, совершенъ былъ печальный чинъ монашескаго погребенія, производившаго глубоко—потрясающее впечатлѣніе на душу присутствовавшихъ. Два діакона внятнымъ и прочувствованнымъ голосомъ читали „непорочны“, два хора стройно исполняли умилительныя погребальныя стихиры, а сонмъ духовенства время отъ времени усердно возносилъ мольбу Владыгѣ живота и смерти: „помилуй раба Твоего“!.. Во время отпѣванія членомъ правленія Семинаріи отъ духовенства священникомъ о. В. Капустинскимъ и Епархіальнымъ наблюдателемъ п. приходскихъ школъ священникомъ о. Н. Рубанистымъ сказано было нѣсколько глубоко—прочувствованныхъ словъ, посвященныхъ памяти почившаго о. ректора. Первымъ, послѣ пѣнія „со святыми упокой“... произнесено было слово на свящ. текстъ: „*аще живемъ, Господеви живемъ, аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь*“ (Римл. XIV, 8); вторымъ, по прочтеніи заукойнаго Евангелія, произнесена была живая трогательная прощальная рѣчь, въ которой въ немногихъ, но въ высшей степени вѣрныхъ и симпатичныхъ чертахъ представленъ образъ почившаго о. ректора Семинаріи архимандрита Анастасія.

По окончаніи отпѣванія, сперва духовенство попарно, а затѣмъ родные (мать и братъ), члены Семинарской корпораціи и др. лица стали прощаться съ усопшимъ. Кончилось прощаніе; гробъ поднять былъ священно-служителями, и печальная процессія во главѣ съ Его Преосвященствомъ направилась къ уготованному ¹⁾ для почившаго мѣсту упокоенія. Но вотъ гробъ съ бранными останками опущенъ былъ въ могилу; еще—нѣсколько минутъ безмолвнаго прощанія съ почившимъ, и темная могила навѣки сокрыла отъ глазъ прахъ того, кто такъ жаждалъ прожить среди насъ хотя немного еще времени для счастья ввѣренной ему Семинаріи, которой и отдалъ послѣднія свои силы...

Съ глубокою грустью взирая на свѣжую еще могилу почившаго о. ректора Семинаріи архимандрита Анастасія и сознавая всю тяжесть понесенной утраты въ лицѣ почившаго, какъ высоко-гуманнаго и просвѣщеннаго руководителя духовнаго юношества, невольно переносимся своею мыслию къ тому времени, когда впервые пришлось намъ встрѣтиться и познакомиться съ почившимъ. То было десять лѣтъ тому назадъ, когда мы, еще юноши, полные свѣтлыхъ надеждъ, съ разныхъ концовъ необъятной Россіи, собрались, по волѣ начальства, подъ свѣтъ священнаго храма высшей богословской науки въ древлепрестольномъ г. Кіевѣ. Здѣсь-то въ числѣ новыхъ нашихъ товарищей и былъ приснопоминаемый архимандритъ Анастасій,—въ то время еще (какъ звали покойнаго въ мірѣ) Алексѣй Іосифовичъ Тихоновъ, присланный на казенный счетъ изъ Воронежской духовной Семинаріи, сынъ псаломщика с. Новой Форостани Коротоякского уѣзда,—высокій, стройный, полный духовныхъ и тѣлесныхъ силъ юноша. Вслѣдствіе особыхъ условій академической жизни намъ не пришлось очень близко сойтись

¹⁾ Съ сѣверной стороны Лазаревского храма.

съ покойнымъ, тѣмъ не менѣе въ теченіи четырехлѣтняго совмѣстнаго пребыванія съ нимъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи свѣтлый обликъ почившаго, какъ студента, товарища и человѣка, успѣлъ твердо запечатлѣться въ нашей памяти. То былъ выдающійся студентъ какъ по своимъ умственнымъ дарованіямъ, такъ и по нравственному складу. Всегда спокойный и привѣтливый къ товарищамъ, участливый къ горю ближняго и отзывчивый на все доброе, онъ былъ на отличномъ счету у академическаго начальства, которое цѣнило благоравіе и трудолюбіе Алексѣя Тихонова, — эти высокія качества духовнаго юноши. Слишкомъ скромна, пожалуй даже однообразна, но зато далеко не безсодержательна была жизнь покойнаго на академической скамьѣ. Почившій чуждъ былъ внѣшнихъ самыхъ невинныхъ развлеченій, находя въ молитвѣ и въ наукѣ, въ усердномъ посѣщеніи храма Божія, лекцій г. г. профессоровъ и богатой академической бібліотеки, источникъ высшаго духовнаго удовольствія. Четыре года не напрасно проведены были покойнымъ въ академіи. За это время онъ успѣлъ получить довольно серіозное философское и богословское образованіе, которое при основательномъ знаніи имъ четырехъ иностранныхъ языковъ (двухъ древнихъ и двухъ новыхъ) вполне обезпечивало будущіе служебные его успѣхи на педагогическомъ поприщѣ. Этотъ именно родъ службы (преподавателя духовно-учебнаго заведенія) составлялъ завѣтное желаніе почившаго. И его желаніе исполнилось; но только не въ преподавательскомъ мундирѣ, а въ монашеской рясѣ пришлось намъ увидѣть еще въ стѣнахъ академіи нашего товарища Алексѣя Тихонова. Покойный, по словамъ его матери, еще въ первый годъ своей студенческой жизни серіозно занялъ былъ мыслью о принятіи монашества, о чемъ письменно извѣстилъ свою мать, прося

у нея совѣта и благословенія на предстоящій трудный подвигъ; но, получивъ отвѣтъ не снѣшить дѣлать столь важный и безповоротный шагъ въ жизни, онъ, по совѣту матери, отложилъ принятіе монашества до четвертаго курса. О такомъ намѣреніи почившаго никто изъ товарищей не зналъ; поэтому-то не мало были мы поражены, когда на четвертомъ курсѣ, послѣ подачи кандидатской диссертациі, Алексѣй Тихоновъ сталъ прощаться съ нами, говоря, что онъ оставляетъ міръ и уходитъ къ Печерскимъ угодникамъ Божіимъ. Дѣйствительно, 2-го Апрѣля 1892 г. блюстителемъ ближнихъ пещеръ Кіево-Печерской Лавры совершенно было постриженіе въ монашество студента 4-го курса Кіевской духовной Академіи Алексѣя Тихонова, который съ именемъ уже Анастасія 4-го того же Апрѣля рукоположенъ былъ въ іеродіакона.

Такъ совершился важный шагъ въ жизни почившаго. Принятіе монашества оказало сильное вліяніе на глубоко-восприимчивую впечатлительную натуру покойнаго. Доселѣ строгій во всемъ къ самому себѣ, по принятіи монашества покойный еще строже сталъ относиться къ себѣ, еще усерднѣе посвятилъ себя любимой наукѣ. Рѣдко увидишь, бывало, іеродіакона Анастасія виѣ стѣнъ Академіи; то и дѣло сидитъ онъ за учебнымъ столомъ и что-нибудь пишетъ или читаетъ, серьезный и самоуглубленный. Отдыхъ онъ позволялъ себѣ самый незначительный, — развѣ что немного пройдетъ по аллеѣ академическаго садика, чтобы освѣжить свои легкія, да и то больше съ книгою или тетрадью въ рукахъ. При такихъ условіяхъ усиленной умственной работы зародился, по всей вѣроятности, еще въ Академіи тотъ страшный недугъ (чахотка), который впослѣдствіи свелъ его въ могилу.

Въ первыхъ числахъ іюня 1892 г., по случаю окончанія

курса наукъ въ Академіи, изъ которой покойный выпущенъ былъ однимъ изъ лучшихъ кандидатовъ богословія съ правомъ на получение ученой степени магистра, намъ пришлось разстаться съ нимъ съ тѣмъ, однако, чтобы снова, при иныхъ уже условіяхъ, на короткое время встрѣтиться и опять разстаться, но, увы, уже навсегда!...

По окончаніи академическаго курса, кандидатъ богословія іеродіаконъ Анастасій въ 1892 г. 21 іюня рукоположенъ былъ въ санъ іеромонаха, а съ 16 августа того же года назначенъ былъ преподавателемъ Свящ. Писанія въ Кіевскую духовную Семинарію. Съ этого времени у насъ имѣются самыя краткія свѣдѣнія о жизни и служебной дѣятельности покойнаго. То, что извѣстно намъ объ этомъ, извѣстно главнымъ образомъ изъ послужнаго списка, гдѣ представленъ краткій перечень движенія по службѣ почившаго, и откуда узнаемъ, что послѣдній въ 1895 г. Января 30-го указомъ Святѣйшаго Синода опредѣленъ былъ инспекторомъ Кіевской Семинаріи, въ томъ же году резолюціей Его Высокопреосвященства назначенъ въ составъ членовъ Кіевскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, въ 1896 г., по опредѣленію Св. Синода, награжденъ ко дню Священнаго Коронаванія Ихъ Императорскихъ Величествъ наперснымъ крестомъ, отъ Св. Синода выдаваемымъ, а съ 1898 г. Февр. 7-го указомъ Св. Синода переведенъ на должность Ректора Екаторинославской духовной Семинаріи съ возведеніемъ въ санъ архимандрита.

Такимъ образомъ, въ короткое сравнительно время (въ теченіи пяти лѣтъ) іеромонахъ Анастасій прошелъ различныя служебныя ступени включительно до высокаго и многоотвѣтственнаго поста ректора Семинаріи, а это доказываетъ, что Высшее Начальство цѣнило покойнаго, который, дѣйствительно, всегда былъ на высотѣ своего призванія во

всѣхъ ввѣряемыхъ ему должностяхъ. Питая особенную любовь и готовность трудиться на пользу просвѣщенія духовнаго юношества въ качествѣ преподавателя, покойный однакожь, сильно тяготился, подъ вліяніемъ болѣзни, своими инспекторскими обязанностями и въ послѣдній годъ своей службы въ Кіевской Семинаріи намѣренъ былъ оставить должность инспектора, чтобы уединиться для подвиговъ молитвы и поста въ одной изъ келій Кіево-Печерской Лавры; но Господь судилъ иначе.

Волею Высшаго Начальства, ректоръ Екатеринославской Семинаріи архимандритъ Іона (Вуколовъ) перемѣненъ былъ на такую же должность во Владимірскую духовную Семинарію, а на его мѣсто 7-го Февр. сего 1898 г. назначенъ инспекторъ Кіевской духовной Семинаріи іеромонахъ Анастасій (Тихоновъ), 22-го того же Февр. возведенный въ Кіевѣ въ санъ архимандрита.

Особенно радостнымъ было для насъ извѣстіе о назначеніи новаго о. ректора Семинаріи, какъ добраго нашего товарища по школь и просвѣщеннаго руководителя юношества. Но не весела была наша встрѣча съ нимъ въ Екатеринославѣ. Въ прибывшемъ о. ректорѣ Семинаріи архимандритѣ Анастасіи мы замѣтили уже больного, постепенно угасающаго человѣка. Не смотря, однакожь, на свой недугъ, покойный о. ректоръ глубоко интересовался дѣлами своей новой службы и отъ души желалъ сдѣлать по возможности больше добра для ввѣренной ему Семинаріи. Въ то же время онъ имѣлъ въ виду потрудиться и на пользу ц. приходскихъ школъ въ качествѣ предсѣдателя мѣстнаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, каковая должность и поручена была ему Его Преосвященствомъ впредь до утвержденія въ ней Св. Синодомъ, которое въ скоромъ времени и состоялось, но получено было уже въ день смерти о. ректора

Давно уже покойный, еще въ бытность инспекторомъ Кіевской Семинаріи, зналъ объ угрожавшей его жизни опасности отъ быстро развивающейся чахотки, тѣмъ не менѣе мало берегъ себя и много трудился; еще меньше жаловался онъ кому бы то нибыло на свои физическія страданія, необыкновенно терпѣливо переносилъ ихъ и уповавалъ на помощь Божію. До чего въ послѣднее время былъ слабъ почившій о. ректоръ, видно изъ того, что не могъ пройти небольшога разстоянія отъ Семинаріи до своей квартиры, а долженъ былъ ѣздить въ экипажѣ. Тяжело было видѣть постепенно угасающую жизнь въ молодомъ организмѣ; однако, никто при этомъ не могъ подумать, что черезъ какой-нибудь мѣсяць намъ суждено будетъ оплакивать преждевременную кончину и провожать въ могилу такъ недавно еще прибывшаго къ намъ о. ректора!

Благополучно кончились въ нашей Семинаріи экзамены, въ которыхъ почившій принималъ довольно живое и дѣятельное участіе; затѣмъ начались обычныя въ концѣ учебнаго года засѣданія правленія, и здѣсь то всѣмъ ясно стало, что о. ректоръ опасно боленъ. Немедленно, по распоряженію г. инспектора Семинаріи М. Я. Монастырева, былъ созванъ консилиумъ изъ лучшихъ врачей въ городѣ, которые констатировали туберкулезное воспаленіе мозга у больного, послѣ чего отправлена была телеграмма матери о. ректора съ извѣщеніемъ о безнадѣжномъ состояніи послѣдняго. Прошло дня два послѣ этого, и о. ректоръ находился уже въ сильномъ бреду, при значительно высокой температурѣ, почти не узнавая уже никого изъ навѣщавшихъ его. Два раза возвращалось къ нему сознание (чѣмъ и воспользовался духовникъ семинаріи, напутствовавъ его въ жизнь вѣчную Св. Христовыми тайнами); онъ начиналъ приносить тогда слова молитвы, творилъ крестное знаменіе, порою вздыхалъ и

съ кѣмъ то видимо прощался, вспоминалъ о предстоящихъ педагогическихъ курсахъ и о назначаемыхъ въ Академіи воспитанникахъ... Скоро больной впалъ въ забытѣ, а 25 го іюня въ полдень не стало нашего глубоко-чтимаго о. ректора. По словамъ матери почившаго, заставшей еще въ живыхъ своего „кроткаго и всегда послушнаго“ сына, „тихо въ Бозѣ почилъ онъ“ отъ всѣхъ заботъ и трудовъ своихъ, завѣщавъ намъ свсимъ недолгимъ, но ревностнымъ служеніемъ вѣрность до конца долгу въ томъ званіи, къ которому каждый призванъ.

„Рабе благій и вѣрный, о малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими буди поставленъ: вниди въ радость Господа твоего“ (Матѣ. 25, 21)!

Священникъ *В. Капустинскій.*

ПОУЧЕНІЕ

при отпѣваніи (27 Іюня с. г.) усопшаго (25 Іюня) Священно-архимандрита Анастасія, Ректора Екатеринославской Духовной Семинаріи.

„Принопѣваемый гласъ божественнаго Давида днесь исполняется глаголющій: *человѣкъ яко трава, днѣ ея яко цвѣтъ селмій, тако оцвѣтетъ*“. (Стихъ самогл. послѣдов. исходн. при погреб. монаховъ).

Въ эти скорбныя минуты, когда предъ нами во гробѣ лежитъ бездыханнымъ усопшій во цвѣтѣ лѣтъ носитель высокаго равно-ангельскаго чина, мы еще глубже проникаемся горькой истиной сего изреченія св. Псалмопѣвца: „дни человѣка, какъ трава; какъ цвѣтъ полевой, такъ онъ цвѣтетъ. Пройдетъ надъ нимъ вѣтеръ, и нѣтъ его, и мѣсто его уже не узнаетъ его (Псал. 102, 15 и 16). Тотъ, котораго Господь „умалилъ... малымъ чимъ отъ ангель,

славою и честію вѣнчалъ... и поставилъ... надъ дѣлы руку свою, вся покоривъ подъ нозѣ его“ (Псал. 8, 6 и 7), въ концѣ концовъ на землѣ сей раздѣляетъ участь „травы“ и „цвѣтка полевого“. Подобно симъ растеніямъ человѣкъ нынѣ полонъ жизни и силъ, растетъ и крепнетъ душою, тѣломъ, дышетъ весь цвѣтущими надеждами на лучшее и лучшее будущее, а завтра—смотришь—онъ угрюмъ и печаленъ, весь блѣденъ и безнадеженъ, съ каждымъ часомъ вянетъ и хилѣетъ, видимо чахнетъ и гаснетъ,—еще одно мгновеніе и дыханіе жизни быстрѣ дуновения вѣтра покидаетъ того, кто такъ близокъ и дорогъ нашему сердцу, но кому помочь мы уже ничѣмъ не можемъ.

Таковъ, бр., общій законъ жизни человѣческой на брэнной землѣ сей съ того времени, когда тлѣніе въ союзъ съ грѣхомъ восторжествовало надъ нетлѣніемъ и нравственной чистотой первозданныхъ людей. По приговору правосудія Божія, въ наказаніе человѣка за грѣхъ, трудъ тяжелый, болѣзнь и смерть замѣнили его блаженное безсмертіе въ раю, Богомъ насажденномъ. Этому общему закону и порядку жизни съ той печальной поры подчиняется весь родъ человѣческій, и мужескій полъ и женскій, какъ и все живущее на землѣ.

Но въ этомъ неизбѣжномъ исходѣ земной человѣческой жизни заключается ли весь смыслъ и конечное, высшее назначеніе человѣка, какъ духовно-тѣлеснаго существа?—Нѣтъ. Мы твердо вѣруемъ и здравымъ разумомъ признаемъ, что въ нашемъ перстномъ тѣлѣ живетъ наша душа богоподобная, безсмертная, что тѣлесная смерть наша есть лишь временное разлученіе души нашей съ перстнымъ тѣломъ нашимъ, подверженнымъ, по грѣхамъ нашимъ, тлѣнію и разрушенію, и что существо души нашей неуничтожимо и личное духовное бытіе ея по смерти нашей опять,

по волѣ и силѣ Божіей, станетъ полнымъ духовно-тѣлеснымъ, уже безсмертнымъ бытіемъ нашимъ въ день наступленія жизни будущаго вѣка. Въ противномъ случаѣ, если смерть человѣка настолько же естественна, насколько и неизбежна при настоящемъ грѣховномъ состояніи человѣка, то почему она для нашего человѣческаго самосознанія и чувства такъ печальна и прискорбна? Почему при видѣ бездыханнаго, истлѣвающаго тѣла ближняго нашего мы такъ сокрушаемся и рыдаемъ? Отчего при одной мысли о такой осиротѣлости и безжизненности нашего тѣла мы такъ глубоко и тяжело вздыхаемъ, даже содрогаемся и трепещемъ?

Знаемъ, что извращеніе и притупленіе жизни самоугодливыхъ и порочныхъ „сыновъ и дочерей вѣка сего“ часто доходитъ до противоестественнаго желанія себѣ преждевременной, насильственной смерти.—Но совѣсть и сердце поклонниковъ Бога истиннаго, дышащихъ и живущихъ правильною, нравственно-чистою, богобоязненною жизнью отвращаются отъ такого отчаяннаго настроенія и произвольнаго самоуничтоженія, какъ отъ преступленія противъ самой человѣческой природы и жизни. Каждому истинному христіанину, въ какой степени непріятно видѣть страданія и преждевременную кончину ближняго своего, въ такой степени желательно и отрадно видѣть человѣка, мужественно и терпѣливо борющагося съ разными невзгодами жизни и мучительными болѣзнями и также терпѣливо ожидающаго своего выздоровленія или смерти своей отъ воли всеблагого Промыслителя, подобно тому, какъ это замѣчалось въ жизни и настроеніи м. усопшаго сослужителя и собрата нашего во Христѣ, священно-архимандрита Анастасія. Тяжелъ и неумолимъ былъ недугъ его; но онъ переносилъ его не негодуя и никому не, жалуясь на него, уповая про-

жить и служить Церкви и Отечеству еще много лѣтъ, по милости Отца небеснаго, „измѣряющаго всѣ стези человѣка“ (Притч. 5, 21).

Такое невольное отвращеніе человѣка отъ болѣзней и смерти и такое усиленіе его восторжествовать, при помощи Божіей, надъ ихъ разрушительнымъ дѣйствіемъ и продлить хотя сколько нибудь свое существованіе на землѣ—не служатъ ли самымъ яснымъ и вѣрнымъ, естественнымъ признакомъ и подтвержденіемъ того, что господство болѣзней и смерти человѣка надъ его жизнію и здравіемъ въ этомъ грѣшномъ мірѣ неизначально, а условно и временно, — современно грѣховному состоянію человѣка и продлится, пока дѣйствуетъ въ мірѣ семь грѣхъ, этотъ источникъ болѣзней и „жало смерти“ (Быт. 2, 17; ср. 3, 16-19; (1 Кор. 15, 54-56)?—И въ самомъ дѣлѣ, если перстное тѣло наше принадлежитъ нашей душѣ только временно, здѣсь на землѣ, и подлежитъ тлѣнію по самой природѣ своей и изначальному своему назначенію, а потому возвращается землѣ чрезъ разрушающее дѣйствіе болѣзней и смерти всецѣло и навсегда, то къ чему и откуда эти горькія слезы и рыданія надъ прахомъ и могилами умершихъ, которыя мы видимъ и слышимъ на пространствѣ прошлаго и настоящаго времени не только у христіанъ, но и у язычниковъ? Если тѣла наши отнимаются отъ насъ такимъ неизбѣжнымъ образомъ окончательно, на вѣки вѣчныя, то они въ сущности не наши и въ дѣйствительности становятся по смерти совершенно чуждыми для насъ, — въ такомъ случаѣ они для насъ, — собственно для душъ нашихъ, послѣ смерти нашей, тоже самое, что и вся остальная персть земная, и намъ должно бы быть совершенно безразлично, гдѣ бы не лежали и въ какомъ бы видѣ не сохранялись эти останки наши, равно и ближнихъ нашихъ. Тогда всѣ наши по-

гребальные обряды и обычаи и всѣ наши человѣческія попеченія и заботы о неприкосновенности праха и гробовъ усопшихъ имѣли бы лишь малоцѣнное значеніе болѣе или менѣе приличнаго удаленія съ глазъ и сохраненія не на виду того, что было такъ дорого и мило намъ, пока струилась въ немъ теплая кровь и обитала въ немъ „душа живая“ (Быт. 2, 7). Напрасны и безцѣльны были бы тогда и наши христіанскія заботы о сохраненіи въ богоугодной чистотѣ и благодатномъ освященіи тѣлъ нашихъ одновременно и въ связи съ такимъ же освященіемъ, нравственнымъ возрожденіемъ и усовершенствованіемъ нашихъ бессмертныхъ душъ (ср. 1 Кор. 7, 18, 19, 34). Не имѣлъ бы тогда соответствующей высокой цѣли и одинъ изъ высшихъ христіанскихъ обѣтовъ и подвиговъ, — *обѣтъ и подвигъ дѣвства*, добровольно пріемлемый на себя монашествующими и уподобляющій ихъ еще здѣсь на землѣ образу бытія безплотныхъ небесныхъ силъ, которыя, по ученію Спасителя нашего, „ни женятся, ни посягаютъ“ (Мѣ. 22, 30). Въ такомъ родѣ чѣмъ скорѣе и легче мы можемъ избавлять себя отъ тягостнаго и мучительнаго лицезрѣнія бездыханныхъ, истлѣвающихъ останковъ ближнихъ нашихъ, тѣмъ лучше и пріятнѣе для насъ. — Но такъ ли это на самомъ дѣлѣ?

Если бы тѣла наши раздѣляли вполнѣ участь полевыхъ растений и не принадлежали душамъ нашимъ въ вѣчности, то зачѣмъ вопрошаетъ насъ и св. Апостоль Языковъ, говоря: „или не вѣсте, яко *тѣлеса ваша* храмъ живущаго въ васъ Святаго Духа суть, Его же имате отъ Бога?“ (1 Кор. 7, 19). Что назначеніе *тѣлъ нашихъ* быть „*храмомъ живущаго въ насъ Святаго Духа*“ не временно, а вѣчно, въ томъ, по увѣренію св. Апостола Языковъ, залогомъ служить Духъ Божій, живущій въ насъ своею благодатію.

„Аще ли же Духъ Воскресившаго Иисуса отъ мертвыхъ,“ говоритъ св. Апостоль, „живетъ въ васъ, Воздвигий Христа изъ мертвыхъ оживотворитъ и мертвенная тѣла ваша живущимъ Духомъ Его въ васъ“ (Римл. 8, 11, ср. ст. 17-23). И можемъ ли мы, вѣрующіе во Христа, „воскресшаго въ третій день по Писаніемъ“, сомнѣваться въ истинности свидѣтельства св. Апостола, когда и нынѣ видимъ уже начало такого оживотворенія и увѣковѣченія смертныхъ человѣческихъ тѣлъ Всемогущимъ Промыслителемъ въ благодатномъ исцѣленіи многихъ вѣрующихъ отъ болѣзней не только душевныхъ, но и тѣлесныхъ, и особенно, въ *нетлѣнии* честныхъ останковъ святыхъ мужей и женъ?

Кто сохраняетъ въ сердцѣ своемъ живую христіанскую вѣру въ *личное безсмертіе души* человѣческой и твердо помнятъ, что, по разуму этой вѣры, душа человѣческая сама по себѣ не составляетъ еще полнаго человѣка, какимъ „вначалѣ“ сотворилъ его Богъ „по образу Своему и по подобію“, „персть возьмъ отъ земли, и вдунувъ въ лице его дыханіе жизни“ (Быт. 1, 26; 2, 7), тотъ не забываетъ о себѣ, что онъ, какъ и всякій человѣкъ, принадлежитъ вѣчности душой и тѣломъ и потому одинаково заботится, какъ о вѣчномъ спасеніи души своей, такъ и о сохраненіи тѣла своего во всякомъ благочестіи и чистотѣ для жизни вѣчной“. На этой бренной землѣ всѣ мы грѣшныя—неможны и временны, какъ временны на ней „трава и полевые цвѣты“. Но истинный Богъ нашъ „не есть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“ (Мрк. 12, 27) Онъ изрекъ грѣшному роду человѣческому свое непреложное опредѣленіе: „земля еси, и въ землю отидеши“ (Быт. 3, 19); Онъ же силенъ и возсоздать въ „наби бытіи“ тѣла умершихъ, чтобы воздать должное каждому за все, „яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла“ (2 Кор. 5, 10). И

каждому воскресшему Богъ дастъ *свое* тѣло, какъ „*свое тѣло*“ даетъ Онъ каждому сѣмени, бросаемому рукою чело-вѣка въ землю (1 Кор. 15, 35-38. 40. 50-55).

Поэтому будемъ жить на землѣ, братіе христіане, какъ „странники и пришельцы“, помня, что всѣ мы имѣемъ предстать предъ Господомъ Правосуднымъ съ этимъ тѣломъ, которое нынѣ подвержено болѣзнямъ и тлѣнію, и съ этой душой, которая носить это брѣнное тѣло. Теряя съ каждымъ днемъ въ лицѣ нашихъ ближнихъ свою связь съ этой временной жизнью, будемъ постоянно и тщательно готовить себя и ближнихъ своихъ, какъ по душѣ, такъ и по тѣлу, для блаженной вѣчности, куда за почивающими ближними нашими будемъ призваны въ свой часъ и мы. Будемъ жить не какъ „неимущіе упованія“, но какъ вѣрующіе и знающіе, что, когда „Самъ Господь въ повелѣніи, во гласѣ Архангеловѣ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, тогда всѣ мертвые о Христвѣ воскреснутъ, оставшіеся же въ тому великому дню въ живыхъ, кунно съ ними восхищени будутъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господу на воздухѣ, и тако всегда съ Господемъ будемъ“ (1 Сол. 4, 15-17). Въ этомъ утѣшительномъ упованіи и нынѣ св. Церковь молится устами нашими объ усопшемъ братѣ нашемъ, воспѣвая: „человѣкъ яко трава, дніе его яко цвѣтъ селный, тако оцвѣтетъ. Его же бо прежде вма-лѣ видѣхомъ жива и глаголюща, се предлежитъ мертвъ, недвижимъ, бездыханенъ: изыде, и отиде отъ здѣшнихъ тамо, идѣже мзда о дѣлѣхъ есть,—тамо, идѣже радость всѣхъ Святыхъ. Съ ними же упокой усопшаго, Боже, яко милостивъ и челоуѣколюбецъ“. Аминь.

Духовникъ Екатеринославской Духовной Семинаріи

Священникъ *Андрей Пароеньевъ*.

С Л О В О,

сказанное во время отпѣванія тѣла въ Бозѣ почившаго отца Ректора Екатеринославской Духовной Семинаріи священно архимандрита Анастасія.

„Аще живемъ, Господеви живемъ: аще же умираемъ, Господеви умираемъ; аще убо живемъ, аще умираемъ, Господни есмь“ (Римл. 14, 8)

По-истинѣ великое утѣшеніе заключается въ этихъ священныхъ словахъ Апостола для сътвующаго сердца, потрясеннаго зрѣлищемъ смерти дорогаго намъ человѣка въ лицѣ почившаго священно архимандрита Анастасія! Здѣсь ли мы еще пребываемъ на землѣ, въ юдоли печали, и подвигаемся къ тихому вѣчному пристанищу, или уже находимся за предѣлами гроба, въ вѣчности,—„Господни есмь“, т. е. пребудемъ, по мысли св. Апостола, въ любви Христовой и въ Его нескончаемыхъ радостяхъ по вѣрѣ и любви нашей къ Спасителю Богу: „аще живемъ, аще умираемъ, Господни есмь“.

Свершилась воля Господня относительно нашего начальника и соратника на нивѣ Христовой. Нить его еще молодой жизни,—такъ много обѣщавшей въ будущемъ, но уже подорванной усиленною умственной работою и на школьной скамьѣ и на службѣ,—быстро оборвалась. И вотъ челнъ для плаванія въ вѣчность уже готовъ, и дорогой путникъ занялъ въ немъ свое мѣсто... Ничто не въ силахъ было задержать его разлуку съ нами... Вседержителю угодно было позвать его къ себѣ. Съ глубокою вѣрою и пламенною молитвою за себя и за всѣхъ присныхъ и знаемыхъ отошелъ въ вѣчность возлюбленный о Христѣ священно архимандритъ Анастасій!

Итакъ чтоже? Сокрушаться ли безутѣшно о томъ, что почившій не съ нами, а въ иномъ лучшемъ мірѣ у Бога? Но вѣдь въ томъ и цѣль жизни нашей, чтобы Милосер-

дый Господь принялъ насъ къ Себѣ въ уготованныя обители, чтобы мы были присные Ему и сожители святымъ. Посему не скорбѣть безутѣшно намъ должно объ отшествіи отъ насъ приснопоминаемаго раба Божія священноархимандрита Анастасія, а молиться объ упокоеніи души его и творить память о немъ. Вѣруемъ, что не на вѣки умеръ, а спитъ возлюбленный о Христвѣ братъ нашъ и будетъ долго поживать отъ заботъ и трудовъ своихъ до блаженнаго утра въ царствіи Божіемъ, чтобы проснуться и вѣчно жить во свѣтѣ и славѣ съ Отцемъ свѣтовъ. Уповаемъ, что почившій по любви своей къ Спасителю наследуетъ въ царствѣ покоя и вѣчнаго блаженства; потому что „блажени,—по непреложному слову Господню,—мертвіи, умирающіи о Господѣ: ей, глаголетъ Духъ, почиютъ отъ трудовъ своихъ“ (Апок. 14, 13).

Конечно, печаль наша человѣческая уместна, и слезы естественны намъ. Наши сердца тронуты скорбію ранней разлуки; больно и тяжело видѣть преждевременный, по нашему ограниченному разумѣнію, гробъ, скрывающій останки сына, добраго начальника и товарища... Надолго оставилъ онъ насъ и такъ скоро,.. едва успѣвъ войти въ нашу семью. И вотъ глаза наши больше не увидятъ его, объятія скорбной вдовы матери не обнимутъ его, и никогда уже голосъ его не скажетъ намъ слова привѣта. При мысли объ этомъ невольно просятся слезы, но не безнадежной тоски и отчаянія слезы, а всецѣлой преданности всеблагой волѣ Господней, располагающей нашею жизнью, и свѣтлаго христіанскаго упованія, что почившій живъ для Бога и нѣкогда свидится съ нами въ горнихъ селеніяхъ; нынѣ же онъ безмолвно благодаритъ насъ за нашу любовь къ нему, за молитвы наши о немъ, и самъ молить Отца свѣтовъ благословить насъ оставшихся миромъ, благочестіемъ и земнымъ благополучіемъ.

Проникнемся, брат., этими мыслями, и намъ легче будетъ перенести раздуку съ почившимъ! Смиримся въ скорби своей предъ всеблагой волей Вседержителя, памятуя: „якоже изволися Ему тако и бысть“ (Іов. 1, 21).

Почившій о. ректоръ молится за насъ, присоединимъ и мы свои усердныя молитвы его блаженномъ и вѣчномъ покоѣ.

Да будетъ воля Твоя, Отець Небесный, да будетъ воля Твоя! Буди имя Твое благословенно во вѣки. Аминь.

Священникъ *В. Капустинскій*.

РѢЧЬ,

произнесенная у гроба почившаго отца Ректора Екатеринославской духовной Семинаріи священно-архимандрита Анастасія.

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Коротка и немногосложна будетъ наша рѣчь, какъ коротка была и жизнь почившаго. Изъ множества лицъ, окружающихъ его гробъ, намъ, въ числѣ немногихъ, довелось знать покойнаго раньше его прибытія въ нашъ городъ. Намъ пришлось встрѣтиться съ почившимъ въ пору цвѣтущей юности, во время совмѣстнаго обученія въ нашемъ старѣйшемъ разсадникѣ высшаго богословскаго образованія—въ Кіевской духовной Академіи. Три года прожили мы въ однѣхъ стѣнахъ, три года жили одною общою жизнію, и за это время образъ почившаго твердо отпечатлѣлся въ нашей душѣ. Какъ живо рисуется предъ нами молчаливый, спокойный и кроткій обликъ почившаго! Для всѣхъ учащихся тогда студентъ Тихоновъ были образцомъ благонравія и трудолюбія. Трудолюбіе его не знало границъ

и оно-то положило начало болѣзни, унесшей его въ безвременную могилу. Онъ настолько былъ преданъ своимъ учебнымъ занятіямъ, что все время отдавалъ имъ, такъ, что внѣ стѣнъ Академіи трудно было его встрѣтить. Подобно св. отцамъ Василю Великому и Григорію Богослову въ Аѳинахъ, онъ въ Кіевѣ зналъ только два пути: въ храмъ Божій и въ храмъ науки—въ академическую бібліотеку, которая расположена на другомъ концѣ академическаго двора. Всегда занятый, самоуглубленный, почившій могъ казаться малообщительнымъ, но достаточно было взглянуть въ его ясные, чистые глаза, чтобы видѣть, сколько въ этомъ человѣкѣ было доброты, братости и благожелательства ко всѣмъ. Съ чистою душею, съ свѣтлымъ умомъ, обогащеннымъ широкими знаніями, почившій вышелъ изъ Академіи, чтобы въ практической жизни приложить къ дѣлу сокровища своего ума и сердца. Когда стало извѣстно, что почившій, еще будучи студентомъ, принялъ постриженіе въ монашество, всѣ знавшіе его искренно порадовались, что такой чистый свѣтильникъ будетъ поставленъ на верху высокой горы. И высшее Начальство цѣнило покойнаго: въ весьма непродолжительное время онъ прошелъ посредствующія служебныя ступени и пріѣхалъ въ нашъ городъ уже въ санѣ архимандрита на высокой постъ Ректора Д. Семинаріи. Мы вдвойнѣ рады были этому назначенію: во первыхъ потому, что наша Семинарія получила такого поистинѣ просвѣщеннаго руководителя, а во вторыхъ потому, что покойный нашъ Ректоръ Семинаріи, по установившемуся обычаю, долженъ былъ принять руководство и другими учрежденіями, имѣющими важнѣйшее значеніе въ жизни епархіи—Еп. Уч. Совѣтомъ. Утвержденіе въ сей послѣдней должности было получено уже въ день смерти почившаго, но фактически онъ вступилъ въ отправ-

леніе обязанностей предсѣдателя Совѣта около двухъ мѣсяцевъ назадъ. Не смотря на столь непродолжительное время нашей совмѣстной службы, выяснилось, что у почившаго, по выходѣ изъ Академіи, энергія и трудолюбіе не только не ослабѣли, но увеличились, съ прибавленіемъ жизненнаго опыта и знанія людей. Въ продолженіе того короткаго времени, которое почившій прожилъ между нами, онъ приобрѣлъ глубокое уваженіе и симпатіи сослуживцевъ и искреннюю любовь подчиненныхъ. Но Господу Богу было угодно прервать его просвѣщенную дѣятельность въ самомъ началѣ. Зачѣмъ? почему? спросять маловѣры.— Тагъ Богу было угодно, на то Его святая воля, отвѣтимъ мы. Миръ душѣ твоей, незабвенный о. Ректоръ. Аминь.

Священникъ *Н. Рубанистый*.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

— *О такъ называемомъ „печатаніи“ покойниковъ.* Чинъ погребенія усопшихъ заканчивается, какъ извѣстно, обрядомъ крестообразнаго метанія земли на опущенный въ могилу гробъ, причемъ совершающій погребеніе архіерей или іерей произноситъ слова: „Господня земля, и исполненіе ея, вселенная и вси живущіи на ней“ (Пс. 23, 1). Такъ какъ обрядъ этотъ конечный, завершающій собою чинъ погребенія, то онъ и получилъ у простого народа названіе „печатанія“. Мало того, по возрѣнію простого народа, обрядъ этотъ и самый важный во всемъ чинѣ погребенія. Только подъ условіемъ его совершенія усопшій по настоящему, если можно такъ выразиться, преданъ землѣ и будетъ лежать въ могилѣ. Если же обрядъ этотъ не совершенъ — „покойникъ не запечатанъ“, онъ не будетъ лежать во гробѣ: „будетъ ходить“, нарушая ночной покой всего села, преимущественно же покой своей семьи. Таково суевѣрное возрѣніе простого народа на конечный обрядъ чина погребенія, — обрядъ, получившій названіе „печатанія“.

Право совершать это печатаніе, по мнѣнію того же народа,

принадлежит исключительно священнику, тогда какъ отпѣваніе усопшаго, проводы его до могилы, можетъ, по нуждѣ, совершить діаковъ и даже псаломщикъ. Такого же мнѣнія относительно права діаконовъ, а въ крайнемъ случаѣ и псаломщиковъ, совершать отпѣваніе держатся и многіе священники (!?). Практическимъ слѣдствіемъ этого бываетъ то, что въ тѣхъ случаяхъ, когда священникъ по какимъ бы то ни было обстоятельствамъ (напр., нездоровье, плохая погода, дальность разстоянія, малая плата за погребеніе и т. п.) считаетъ для себя неудобнымъ или невозможнымъ совершать проводы и отпѣваніе, онъ поручаетъ дѣлать это діакону. Но при такомъ порядкѣ вещей является слѣдующее затрудненіе: простой народъ, какъ замѣчено выше, суть погребенія полагаетъ въ печатаніи, діаконовъ же печатанія не совершаетъ. Этотъ затруднительный вопросъ разрѣшила практика нашего края еще въ старину тѣмъ, что допустила совершать печатаніе покойниковъ послѣ ихъ погребенія, когда священникъ найдетъ это для себя удобнымъ. Но такъ совершать печатаніе (послѣ погребенія) въ томъ видѣ, какой указанъ въ Требникѣ, невозможно, ибо гробъ уже опущенъ въ могилу, и произносятся слова: „Господня земля“—уже несвоевременно, то вмѣсто крестообразнаго метанія земли явилось нѣчто подобное ему, а вмѣсто „Господня земля“, составлена была особая формула. Такимъ образомъ созданъ особый видъ обряда печатанія. Явился онъ, повторяемъ, въ старину и, переходя отъ дѣдовъ къ внукамъ, сохранился въ практикѣ кое-гдѣ и до настоящаго времени. Въ настоящее время онъ совершается въ тѣхъ случаяхъ, когда усопшій преданъ землѣ безъ іерейскаго отпѣванія; иногда же его совершаютъ, какъ дополненіе къ чину погребенія, совершеннаго самимъ священникомъ.

Въ чемъ же состоитъ разсматриваемый нами обрядъ?—Суть его состоитъ въ слѣдующемъ: совершается сначала литія, которая обыкновенно бываетъ при опусканіи гроба въ могилу, потомъ священникъ касается крестообразно четырехъ сторонъ могильной насыпи, произнося слова: „печатается гробъ сей (иные—„рабъ сей, раба сія“) до будущаго суда и всеобщаго воскресенія, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь“. Другіе произносятъ эти слова такъ: „печатается гробъ сей по день страшнаго суда, во имя Отца, аминь, и Сына, аминь, и Св. Духа, аминь, нынѣ

и прсно, и во вѣки вѣковъ, аминь“. Псаломщикъ при этомъ поетъ: „Земле, зинувши пріими отъ тебе созданное рукою Божіею тѣло, паки къ тебѣ возвращающееся; еже по образу Зиждитель пріять, ты же пріими сіе, яко свое“.

Этимъ и оканчивается обрядъ, который собственно и разуміють въ настоящее время, когда говорятъ о „печатаніи“ покойниковъ.

Посмотримъ теперь, можетъ ли быть допущенъ этотъ обрядъ въ практикѣ православной Церкви?

Не трудно подмѣтить, прежде всего, что въ основѣ разсматриваемаго обряда лежитъ суевѣрное воззрѣніе на значеніе „печатанія“. Конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію то, что нынѣшніе священники, допускающіе печатаніе, не раздѣляютъ этого суевѣрія; но, дѣйствуя, такъ сказать, въ тонъ темнаго люда, они поддерживаютъ въ немъ это суевѣріе и тѣмъ самымъ являются преступниками предъ судомъ правилъ церковныхъ, которыя запрещаютъ суевѣрія и возлагаютъ заботу объ ихъ искорененіи на пастырей. Итакъ, уже по этому одному обрядъ печатанія покойниковъ не долженъ быть допускаемъ, тѣмъ болѣе, что и Требники—не только нынѣшніе, но и старинные, его не знаютъ.

Далѣе, допуская „печатаніе“, священники дозволяютъ діаконамъ совершать проводы покойниковъ. Этимъ они нарушаютъ то общее правило, по которому всѣ вообще христіанскія требы могутъ быть совершаемы только законно рукоположеннымъ священникомъ, но никакъ не діаконъ. Послѣднему, по опредѣленію Московскаго собора 1667 года, нельзя даже кропить въ домахъ св. водой: „священникъ бо святитъ воду, ему же достоитъ и кропити, а не діакону, кромѣ вужды; діаконъ же токмо да держитъ сосудъ со св. водою, зане слуга есть“. Если, такимъ образомъ, непозволительно поручать діаконамъ кропить водой, предварительно освященной іереемъ, то тѣмъ болѣе непозволительно поручать имъ совершать проводы покойниковъ. Эти проводы, по указу Св. Синода отъ 1 мая 1747 года, должны быть совершаемы непременно священниками. Въ Великороссіи такъ всегда и дѣлается, и „печатаніе“ покойниковъ тамъ неизвѣстно.

Наконецъ, допуская „печатаніе“ покойниковъ, священники нарушаютъ и требовенія церковнаго устава. Нарушеніе это состоитъ, во 1-хъ, въ томъ, что несовершается, какъ того требуетъ

установъ, полный чинъ погребенія, и такимъ образомъ усопшій лишается тѣхъ молитвъ, какими Церковь умилоствуетъ Господа непосредственно послѣ смерти того или другого человѣка, а сродники и знаемые его лишаются того утѣшенія и высокаго назиданія, какія предлагаются въ умиленныхъ молитвословіяхъ и пѣснопѣвiachъ чина погребенія. Во 2-хъ, нарушение устава допускается и въ томъ, что при печатаніи произносятся слова, не указанныя въ Требникахъ для употребленія въ православной Церкви. Да и вообще, этихъ словъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ и въ старинныхъ южно-русскихъ Требникахъ. Въ нихъ есть только слѣдующія, не указанныя въ нынѣшнихъ Требникахъ, слова, которыя произноситъ іерей при посыпаніи пепломъ изъ кадила тѣла усопшаго: „земля, прахъ и пепель еси, о человѣче, и въ землю паки по повелѣнію Божию возвращаешься: но вѣчная ти память, брате“ (Львов. Треб. 1668 года). Слѣдовательно, формула: „печатается гробъ сей“, какъ и самый обрядъ печатанія, — сомнительнаго происхожденія и введена произвольно, что безусловно воспрещается правилами церковными (Карс. 116 пр.).

Что же касается тропаря: „Земле, зинувши“, то онъ хотя и помѣщается въ старопечатныхъ южно-русскихъ Требникахъ въ чинѣ погребенія мірскихъ человѣкъ, но въ нынѣшнихъ Требникахъ онъ не указывается *) и потому пѣть его нѣтъ никакой надобности.

Такимъ образомъ, обычай печатанія покойниковъ послѣ ихъ погребенія есть обычай незаконный, нарушающій уставы церковные и поддерживающій въ средѣ простого народа суевѣрное мнѣніе „о хожденіи умершихъ“. Въ виду всего этого допускать его не слѣдуетъ. Изъ Полтав. Епарх. Вѣд.

— *Симлоотверженіе пастыря.* Священникъ села Рижковъ, Могилевской губерніи, 75-лѣтній старецъ, убѣленный сѣдинами, былъ вызванъ, какъ сообщаютъ „Москов. Вѣдомости“ (№ 106), въ сосѣдную деревню за четыре версты къ крестьянину для на-

*) Редакція Подольскихъ Еп. Вѣдомостей съ своей стороны сочла нужнымъ замѣтить, что тропарь „Земле, зинувши“ указывается и въ нынѣшнихъ Требникахъ—въ чинѣ погребенія монаховъ (см. Больш. Треб.) и въ чинѣ погребенія во дни Св. Пасхи; но его нѣтъ въ обычномъ чинѣ погребенія мірскихъ человѣкъ.

путствія его въ вѣчную жизнь. Когда лошади были уже близъ дома, выскочила съ лаемъ собака, лошади бросились въ сторону и опрокинули возокъ, въ которомъ сидѣлъ священникъ. Старецъ выпалъ и сломалъ себѣ ногу. Крестьяне прибѣжали на помощь и, видя, что священникъ не можетъ ступить отъ сальной боли, стали просить его возвратиться домой. Но священникъ отклонилъ все предложенія и потребовалъ, чтобъ его внесли въ избу. Болѣе получаса пробылъ онъ у изголовья умирающаго и, только исполнивъ свой пастырскій долгъ, возвратился къ своей семьѣ. Глубоко трогательно самоотверженіе пастыря! Да заградить оно уста недруговъ духовенства, находящихся въ немъ одни недостатки и умалчивающихъ о подвигахъ его самоотверженнаго служенія паствѣ и всему отечеству (Изъ Тамб. Еп. Вѣдом.).

— *Братскій советъ пастырямъ.* Состоя на службѣ Божіей вотъ уже болѣе 30 лѣтъ, я всегда скорбѣлъ и возмущался духомъ, когда приходилось видѣть и слышать слѣдующую грустную, крайне возмутительную картину: кончилась въ храмѣ Божественная литургія, пропѣли многолѣтіе Царствующему Дому, мѣстному архіерею и всѣмъ православнымъ христіанамъ; закрылись царскія врата; окончившій службу іерей Божій устало, иногда крайне апатично, чаще всего, скороговоркой, безъ всякаго чувства, неясно, монотонно, тихо проговорить, рѣже—громко: Слава Тебѣ, Бже. Слава Тебѣ, Бже. Псаломщикъ, еще находитъ съ клироса въ алтарь, вполне по-пономарски, въ одинъ тонъ, безъ всякаго выраженія и пониманія, наскоро читаетъ благодарственные по св. причащенію молитвы; продолжаетъ чтеніе и забѣжавши въ алтарь, въ то же время прибирая ризницу. Священникъ стоитъ у жертвенника и, разговаривая съ о. діакономъ, если таковой есть, или отдавая распоряженія церковному сторожу, или дѣлая съ него взысканія, какъ-то вовсе неблагоговѣнно, скорѣе небрежно, употребляетъ изъ потира Св. Дары, почти не обращая вниманія на то, что читаетъ чтець.

Да простятъ мнѣ собратья за такую мрачную, но списанную прямо съ натуры, картину....

Обратимся къ служебнику. Въ концѣ Божественной литургіи обыкновенно печатаются благодарственные молитвы по святомъ причащеніи, съ такимъ эпиграфомъ: *егда получиши доброа при-*

чащенія, Животворящихъ таинственныя дарозаній, воспой абѣе, благодари велими, и сія теплѣ отъ души Богу глаголи: Слава Тебѣ, Боже. Слава Тебѣ, Боже. Слава Тебѣ Боже.

Такое прекрасное, внушительное надписаніе, намъ кажется, должно было бы вполнѣ расположить къ теплой, разумной, благодарственной молитвѣ, но, увы! на дѣлѣ мы видимъ и слышимъ совсѣмъ другое... и заставляя за себя читать другихъ, съ помазаніемъ составленныя молитвы, дѣло непохвальное. Наши архипастыри въ данномъ случаѣ добрый подаютъ намъ примѣръ, всегда сами читая благодарственные по св. причащеніи молитвы, да иначе и быть не должно: я получилъ отъ высокаго лица дорогой подарокъ и благодарить заставляю, да еще при себѣ же, какого-нибудь малограмотнаго псаломщика, а часто и мальчика—прислужника въ алтарѣ. Или, если бы я получилъ, положимъ, отъ царскихъ щедротъ какой-либо драгоценный подарокъ, ужели бы я осмѣлился благодарить не лично, а поручилъ бы при себѣ же бормотать мою благодарность своему псаломщику, или кому-либо другому?!...

Сопоставляя все это, по нашему глубокому убѣжденію, благодарить Царя царей за дарованіе нашему недостоинству неоцѣненныхъ Св. Даровъ—Тѣла и Крови Христовой дѣло наше личное, а не постороннихъ лицъ. Не будемъ, отцы и братія, впредь дозволять себѣ такое крайне небрежное, кощунственное къ весьма важному, святому и страшному дѣлу, памятуя грозныя слова Пророка: *проклять всякъ, творяй дѣло Божіе съ небреженіемъ.*

Разъяснить и внушить это кандидатамъ священства, мы думаемъ, обязаны первѣе всего руководители ихъ въ духовныхъ семинаріяхъ, а затѣмъ такая обязанность лежитъ и на священнослужителяхъ, обучающихъ молодыхъ іереевъ службѣ Божіей (Изъ Тамб. Еп. Вѣдом.).